

ШЕСТЬ РИМСКИХ РЕСПУБЛИК ВМЕСТО ОДНОЙ?

H.I. FLOWER. Roman Republics. Princeton–Oxford: Princeton University Press, 2010. XVI, 204 p.

В историографии древнего Рима общепринято деление истории Римской республики на раннюю, среднюю (классическую) и позднюю, или эпоху гражданских войн, но при этом собственно Республика воспринимается как целостная эпоха. Однако профессор Принстонского университета Гэрриэт Флауэр, усомнившись в правильности такого подхода, решила радикально пересмотреть эту периодизацию. «Как только вводится концепция особого республиканского периода, возникает необходимость в ее модификации, поскольку политическая жизнь в Городе и он сам не раз менялись за эти несколько столетий» (с. 21). «Монолитная» хронология республиканского периода способна ввести в заблуждение неспециалистов и тех, кто только начинает заниматься вопросом (с. 19). По мнению Флауэр, была «не одна древняя республика, превратившаяся в нечто окаменелое (*fossilized*), чьи жизнеспособность и историческая миссия остались в прошлом. Скорее, серия республик, из которых одни добились больших успехов и стабильности, чем другие» (с. 22). В качестве параллели приводится пример Франции нового и новейшего времени (с. 19). Попутно автор возражает против понятия «кризис» при характеристике 133–49 гг. (*sic!*), ибо кризис, по ее мнению, не может длиться восемь десятилетий (с. IX – аргумент слишком умозрительный, чтобы воспринимать его всерьез).

Какую же схему предлагает Флауэр? Она делит историю Римской республики на 13 периодов (с. 33):

1. Около 509–494 гг. Предреспубликанский переходный период, следующий непосредственно за монархией.
2. 494–451/450 гг. Протореспубликанский период, предшествующий изданию свода писаного права.
3. 450–367/6 гг. 1-я Республика: эксперимент, включающий в себя магистратуру консулярных трибунов.
4. 366–300 гг. 2-я Республика: возникновение республики, основанной на разделении власти между патрициями и плебеями.
5. 300–180 гг. 3-я Республика: республика нобилей 1.
6. 180–139 гг. 4-я Республика: республика нобилей 2.
7. 139–88 гг. 5-я Республика: республика нобилей 3.
8. 88–81 гг. Переходный период (переворот Суллы, *dominatio* Цинны, диктатура Суллы).
9. 81–60 гг. 6-я Республика: республика Суллы (значительно модифицированная в 70 г.).
10. 59–53 гг. Первый триумвират (Помпей, Цезарь, Красс).
11. 52–49 гг. Переходный период.
12. 49–44 гг. Диктатура Цезаря (и краткий переходный период после его убийства).
13. Второй триумвират (Октавиан, Лепид, Антоний).

Флауэр осознает ненадежность данных об истории Ранней республики до последних десятилетий IV в., однако все же считает возможным делать на их основе серьезные выводы. Применительно к протореспубликанскому периоду она признает, что неясно, управляли Римом ежегодно избиравшиеся консулы или нет, но предполагает стремление плебеев к обособлению от патрициев и созданию во многом независимого от них политического сообщества (*more separate political community*). Однако после обнародования законов XII таблиц (начало 1-й Республики) патрициям удалось даже сократить доступ к высшим магистратурам других групп (с. 48–49). К тому же консулярные трибуны, чья магистратура возникла в середине V в. и к которой плебеи иногда допускали, не имели религиозной санкции своей власти в виде ауспий. Ситуация изменилась в 367/366 г., когда за плебеями закрепили одно из консульских мест (2-я Республика). Но началом 3-й Республики Флауэр считает не закон Гортензия 287 г., как это принято, а допуск плебеев в главные жреческие коллегии в 300 г., ибо в результате пал «последний серьезный барьер на пути к эмансипации плебеев» и была создана новая тип (*new kind*) республики (с. 52). Поэтому, замечает автор, нельзя представлять борьбу сословий как нечто единое, ибо если поначалу плебеи стремились к созданию своей политической системы с собственными магистратами, то затем они (точнее сказать, их верхушка) пошли на интеграцию в патрицианскую иерархию должностей. Кроме того, отмечает Флауэр, схема «патриции – плебеи» затемняет другие группы и подгруппы римского населения (с. 55) – чему, заметим, удивляться не

приходится, как и упрощенной схеме «оптиматы – популяры», повлиявшей, в свою очередь, на описание событий V–IV вв.

Следующая, 4-я Республика начинается, согласно Флауэр, в 180 г., когда был принят регулировавший прохождение *cursus honorum* закон Виллия. В этот период произошло немало серьезных изменений – после 177 г. прекратился вывод колоний на территории Италии; в 153 г. вступление консулов в должность было перенесено с 1 марта на 1 января¹; в 149 г. были введены *quaestiones perpetuae*, где провинциалы могли жаловаться на вымогательства наместников. Однако, демонстрируя определенный либерализм в отношениях с подданными, римляне в то же время стали более сурово поступать по отношению к тем, кто вызывал их гнев, примером чего стала судьба Карфагена и Коринфа, отнюдь не угрожавших Риму (с. 65–71).

Началом 5-й Республики Флауэр считает не реформы Гракхов, как следовало бы ожидать, а введение тайного голосования, ставшее, по ее мнению, политической революцией. Задуманное первоначально как антикоррупционная мера, оно изменило соотношение сил в римской политике. Хотя впоследствии *leges tabellariae* критиковали (естественно, с консервативных позиций. – А.К.), Сулла не стал отменять их (с. 72–75).

Что же касается гракханских реформ, то «политические перемены любой ценой должны были казаться слишком уж чрезмерным требованием в такое десятилетие, как 130-е годы, ставшее свидетелем стольких реформ, осуществленных мирным путем в должном порядке». События 133–132 гг. закрепили раскол среди граждан по политическим взглядам. Кроме того, в римской политике стало все активнее применяться насилие: хотя гракханцы не были объявлены *hostes*, обращались с ними именно как с врагами, и *senatus consultum ultimum* 121 г. представлял собой шокирующий разрыв с тем, что видели и помнили римляне. «В политическом отношении всякое насилие означало подрыв республиканских принципов». Вновь оно было применено в 100 г., а своей кульминации достигло при Сулле (с. 82–88).

Деятельность Суллы Флауэр считает важнейшей темой своей работы (с. 22). «Общепринятая трактовка сулланского переворота и реформ как кровавой интерлюдии в республиканском правлении искажает природу совершавшихся им насилий и характера политики в это время. Следует подчеркнуть, что это насилие было более разрушительным, нежели обычно считается» (с. 82). Уже его марш на Рим в 88 г. привел к коллапсу традиционной республиканской культуры *nobiles*, настал конец последней республики нобилей. Время Цинны и Карбона Флауэр к Республике не относит, гражданская война 83–82 гг. велась между неконтролируемыми режимом и полководцем (с. 91–93). Сулла же не восстановил прежнюю республику, а создал новую, и это было вызвано проблемами не додрузовых времен, а крушением старой республики в 88 г. 81 год стал годом политической революции: произошло беспрецедентное увеличение численности сената, куда попало немало представителей италийских городов; была отменена цензура; выросло количество многих магистратских мест; изменились функции тех, кто их занимал; плебейский трибунат вернулся к своему первоначальному состоянию, утратив связь со структурой должностей и т.д. Иерархия магистратур стала более жесткой, и *lex* должен был заменить *mos maiorum* (с. 119–130).

По мнению Флауэр, Сулла сложил полномочия диктатора уже в 81 г., а его уход от активной политической деятельности стал результатом продуманного плана: осуществив свои замыслы, он удалился от дел, подобно Солону, но представлял собой фигуру куда более угрожающую, если учесть преданные ему легионы (с. 132–134).

Между тем «сущность, стиль и происхождение сулланской новой республики были слишком революционными и чуждыми, чтобы прижиться в Риме» (с. 134). Неприятие нобилиями методов Суллы препятствовало появлению в последующие годы другого единоличного законодателя, хотя вопрос о главенстве остро стоял в политических дебатах 70–60-х годов. Однако культура компромисса и открытых дискуссий осталась в прошлом. «Применение насилия обеими сторонами подрывало саму концепцию политической игры по правилам, в которой проигравшие смирялись с поражением, а победители не добивались, чтобы их оппоненты лишались будущего в политике». По сути, сулланская республика не функционировала в нормальном виде, поскольку одновременно вела борьбу на нескольких фронтах (Серторий, Лепид, Спартак и др.). В ходе этой борьбы, как известно, возвысился Помпей, чьи чрезвычайные полномочия вступали в резкое противоречие с правилами деятельности наместников, установленными Суллой. Неудивительно, что «сенаторы были не способны пойти на компромисс, который позволил бы Помпею заново интегрироваться в политическую жизнь с долж-

¹ Можно согласиться с соображениями автора о том, что данное изменение не было связано с событиями войны в Испании – вряд ли случайно, что произошло это в первый год седьмого века *ab Urbe condita*, да и отец Нобилиора, одного из консулов 153 г., прибил в свое время к стене храма Геркулеса знаменитую надпись с календарем (с. 68).

ным признанием его успехов и не могли найти способ отправить его для выполнения новой миссии» (с. 136–144). Грозным симптомом стал заговор Катилины, возникший на фоне серьезных социальных проблем. При этом его руководитель показал свою неспособность признать поражение на выборах, а Цицерон, казнив без суда катилинариев, продемонстрировал недоверие судебной системе. Его слова *salus rei publicae suprema lex* – не более чем лозунг, на деле предвещавший конец республики, чье правительство не сумело справиться с катилинариями легальными средствами. Результатом политического развития 60-х годов (и не в последнюю очередь под влиянием событий 63 г.) стало возникновение первого триумvirата, положившее конец республике Суллы (с. 146–150).

Последующий период автор, как мы видели, к Республике не относит. Подобная оценка основывается на том, что в 50-х годах в Риме царило насилие (шайки Клодия и Милона), наблюдались нарушения в цикле выборов (54, 52 гг.), слишком велико было влияние триумвиров. Поворотный момент наступил в 52 г., когда Помпей стал *consul sine collega*. «Другой человек использовал бы эту возможность для восстановления политической системы республики; [однако] Помпей не был таким реформатором» (с. 149–151). После 52 г. в центре римской политики оказался вопрос о возвращении Цезаря. С одной стороны, не было оснований ожидать, что он откажется от наместничества, когда этого не делают другие (т.е. Помпей), с другой – не мог надеяться, что к нему отнесутся беспристрастно, оказавшись он под судом по сложению полномочий, а потому добивался заочного участия в консульских выборах. Компромисса достичь не удалось, что привело к гражданской войне и диктатуре Цезаря, сменившейся вторым триумvirатом и установлением принципата (с. 152–153).

Такова в целом концепция Флауэр. Несомненно, автор затрагивает важные вопросы, заставляя задуматься над особенностями развития Римской республики. Однако то, как она решает эти вопросы сама, вызывает немало возражений. Прежде всего, сомнительно выглядят рассуждения автора, будто обычно Республика представляется чем-то «окаменелым». Хотелось бы знать, что именно придерживается столь абсурдной точки зрения, иначе выходит, что мы имеем дело с лишь имитацией актуальности. Флауэр ссылается на Ю. фон Унгерн-Штернберга, который, однако, пишет о «беспримерной стабильности (*beispiellose Stabilität*)», что не совсем одно и то же, ибо стабильность не исключает поступательного развития. Да и само деление истории Республики в литературе на раннюю, среднюю (или классическую) и позднюю показывает, что историки вполне отдают себе отчет в отнюдь не застойном характере этого периода.

Довольно умозрительным представляется и тезис о том, что «концепция *res publica* основывалась скорее на политических дебатах и совместно предпринимавшихся шагах во имя общественных интересов, нежели на закрытых обсуждениях ради обеспечения фиксированных принципов, будь то писаная конституция или система практик, которые сохранялись в религиозном праве» (с. 65). Опять-таки неясно, кто так ставит вопрос, но дело даже не в этом: ведь фиксированные принципы (не писаная конституция, конечно, которой в Риме не было, и не религиозные практики, которые не становились предметом публичного обсуждения) отнюдь не противоречат обеспечению общественных интересов, тем более что чему, как не их фиксации, служили и служат законы? (Другой вопрос, насколько успешно.)

Наконец, трудно назвать иначе как софистическим следующее положение автора: «Периодизация может прояснить исторический контекст интерпретации [развития] различных республик» (с. 34) – которые, заметим, сами являются плодом этой самой периодизации, в результате чего возникает замкнутый круг.

Обратимся теперь к более конкретным выкладкам автора. Флауэр, зная о проблеме достоверности традиции о Риме V–IV вв. и в соответствии с современными веяниями датируя учреждение республики серединой V в.², в то же время сохраняет приверженность датировке падения царской власти 509 г., зависимость которой от даты изгнания Писистратидов очевидна. Не менее спорно в этом контексте выделение такого небольшого периода, как 15 лет после свержения Тарквиния. По этой же причине нельзя принять и такую установку автора: «Схема множества республик неизбежно представляет картину намного более динамичного и подвижного раннеримского общества, чья история отмечена смелыми экспериментами с различными республиканскими моделями и периодами революционных реформ, когда значительные перемены происходили за короткий отрезок времени» (с. 53). Мы, в сущности, не знаем, насколько быстро протекали те или иные изменения в раннеримском обществе, причем если они совершались постепенно, это не мешало им быть многочисленными.

Трудно согласиться и с противопоставлением доступа плебеев в важнейшие жреческие коллегии закону Гортензия – это был единый процесс, так что даже о четкой хронологической границе гово-

² См. Коптев 2007, 67–88; Koptev 2010, 5–48 (с указанием предшествующей литературы).

речь нелегко, но все же более позднее событие из этой цепи, естественно, скорее годится для того, чтобы служить водоразделом. Но если применительно к рубежу IV–III вв. спор идет лишь о дате, а не о наличии или отсутствии самого водораздела, то признать, что в 180 г. после принятия *lex Villia* началась республика нобилей 2, вряд ли возможно, поскольку нет данных о действительном влиянии этого закона на карьеру римских политиков. Зато мы знаем о случаях его нарушения во времена классической республики – Клавдием Марцеллом, который не соблюл 10-летнего интервала между вторым (155 г.) и третьим (152 г.) консульствами, и Сципионом Эмилианом, который занял высшую магистратуру, не быв прежде претором³. При этом о законе, запрещавшем вторичное избрание в консулы⁴, Флауэр вообще не упоминает.

Началом республики нобилей 3, которая по общепринятой хронологии совпадает с начальным периодом Поздней республики, автор, как уже говорилось, считает введение тайного голосования, а не реформы Гракхов. Здесь наблюдается то же, что и в случае с вопросом о начале республики нобилей 1 (=начало классической республики): за основу взято начальное, а не завершающее событие, хотя рациональное зерно в рассуждениях Флауэр есть – перед нами вновь звенья одной цепи, и правильнее было бы говорить не о четкой грани между классической и поздней республикой, а о длившемся несколько лет переходном периоде. Следует отметить, что автор недооценивает конституционное значение реформ Гракхов, которые поставили вопрос о приоритете решений комиций над волей сената в практическую плоскость, и при всей расплывчатости термина «популярны» обращение именно к народному собранию в обход сената позволяет отличать их от *boni*⁵.

Можно согласиться с оценкой режима Цинны как не вполне республиканского, но нельзя безоговорочно утверждать, что его вожди контролировали выборы (с. 93) – это касалось лишь консульских выборов. Весьма вольно вели себя плебейские трибуны в 84 г. после гибели Цинны, а сенат в это время открыто обсуждал положение дел и хотя безуспешно, но и безнаказанно требовал от Карбона приостановить подготовку к войне⁶. Что же касается учиненных марианцами убийств сенаторов, на которые указывает Флауэр в антиреспубликанском контексте, то нет оснований считать их более кровавыми, чем расправы со сторонниками Гракхов или Сатурнина, что не мешает автору относить 133–100 гг. к республиканскому периоду.

Особенно много возражений вызывают рассуждения Флауэр о сулланском режиме. Она пытается представить дело так, будто первой оценила по достоинству своеобразие установленного диктатором порядка, выделив его как еще одну республику. Однако, думается, подобное переименование мало что дает, а особого характера сулланской системы, насколько известно, никто не оспаривает. Ошибочным представляется утверждение, что сулланская система была порождена не проблемами развития в 90-е годы, а крушением прежней республики в 88 г. (с. 120). Но кто, как не Сулла, стал одним из главных виновников этого крушения? К тому же вопросы о положении италийцев, всаднического сословия и многие другие, которые сыграли важную роль в событиях 80-х годов и нашли отражение в законодательстве диктатора, стали серьезной проблемой задолго до 88 г.

Не вполне ясно, на чем основывается тезис автора, будто *lex* при сулланском порядке должен был вытеснить *mos maiorum* – для этого Сулле требовалось бы провести куда больше законов, не говоря уже о том, что он сам нарушал введенные им нормы⁷.

Флауэр полагает, что диктатор вполне осознавал новизну создаваемого им режима – он «был прагматиком, а не антикваром», и не пытался «перевести стрелки часов назад» (с. 130). Однако можно обратиться к порядкам былых времен, исходя отнюдь не из любви к прошлому, а просто потому, что они кажутся более эффективными. Да и если Сулла был прагматиком, то он вообще вряд ли задумывался о соотношении в своей деятельности старого и нового, не говоря уже о том, что источники на сей счет молчат. Наконец, в главном диктатор исходил из традиционной для римской аристократии идеи: верховная власть должна принадлежать сенату, а число и функции магистратов не являются неизменными и зависят от обстоятельств.

³ См. Mommsen 1887, 539, Anm. 1; 521, Anm. 1.

⁴ *Liv. Per.* 56. Издан, видимо, как раз в связи с избранием Марцелла в нарушение *lex Villia* (Mommsen 1887, 521, Anm. 1).

⁵ См., например: «Словом *populares* в эпоху Поздней республики обозначали, как правило, политиков, которые стремились достигать определенных целей при поддержке народного собрания» (Meier 1965, 549).

⁶ См. Lovano 2002, 53–54, 68–69 (автору книга М. Ловано, заметим, известна).

⁷ В частности, законы о роскоши во время пиров и погребений (*Plut. Sulla.* 35. 3–4). Кроме того, подтвердив норму *lex Villia* о 10-летнем промежутке между консулатами, он (явно прежде этого: см. Seager 1994, 205) не отказал себе в удовольствии стать консулом вторично всего лишь через семь лет.

«Римляне не восприняли Суллу – отчасти потому, что фигура законодателя просто не вписывалась в рамки их политической традиции. Новая республика Суллы потерпела крах не только из-за своей нетрадиционной формы, но также из-за методов, которыми она была установлена – без политических дебатов, [по воле] сильного человека, хотел он выступать как “республиканский диктатор” или нет» (с. 134). Если со вторым тезисом вполне можно согласиться, то первый не соответствует фактам. По мнению автора, «для римской политической системы характерно, что ее не создавали какие-то конкретные законодатели или пророки, которые проводили республиканские преобразования (revolutions) в определенное время, как это часто происходило в греческих городах и других общинах Средиземноморья. Более того, римские отцы-основатели – такие, как Ромул, Нума или Сервий Туллий, которым приписывается столь многое, все жили до установления римской республиканской системы» (с. 12). Именно поэтому и Сулла, попытавшийся сыграть неуместную для римского политика эпохи Республики роль законодателя, встретил холодный прием. Однако есть серьезные основания полагать, что именно Сервий Туллий в более ранней традиции считался основателем Римской республики⁸, да и сама Флауэр отмечает, что он «связан по духу с республиканскими ценностями» (с. 42). Но даже если брать «канонический» вариант римского прошлого, то и здесь можно найти вполне подходящего отца-основателя – Валерия Попликола (оставим в стороне вопрос о его историчности, важно, что в преданиях он играет именно такую роль), а «просто» законодателями уже в историческую эпоху были Аппий Клавдий Цек и Катон Старший. Рассуждая о непривычности для римлян фигуры законодателя, автор забыла упомянуть об одном чрезвычайно важном обстоятельстве: сулланский порядок имел очень скромную социальную опору, в том числе в верхах, и именно это прежде всего предопределило его скорое крушение.

Флауэр сравнивает пополнение сената в 216 г. Фабием Бутеоном и в 81 г. Суллой. Первый ввел в курию отличившихся воинов, тогда как при втором туда попало немало представителей италийских городов (с. 122). Будь это так, речь шла бы о чрезвычайно серьезном шаге в сфере италийской политики (если бы, заметим, на такое решились циннанцы, то их судьба могла сложиться иначе). Однако какие-либо статистические данные на сей счет отсутствуют, и эффектное сравнение остается лишь риторической фигурой.

Немало вопросов возникает и в связи с интерпретацией событий 78–50 гг. Автор, как мы видели, не считает политическую систему этого периода республикой нобилей (а с 60 г. и республикой вообще), которая, по ее мнению, существовала в трех вариантах в 300–88 гг. Отчасти это верно для 70-х годов, поскольку сенат, похоже, подчинялся узкой группе соратников Суллы во главе с Лутацием Катулом, которую можно считать хунтой, но после 70 г. ситуация явно изменилась: круг игроков на политической арене расширился, и нобили среди них, естественно, преобладали. Не вполне понятно, что имеет в виду автор, когда пишет, будто «вопрос о главенстве в сулланской республике был важнейшим в ходе большинства политических дискуссий 70–60-х годов» (с. 136). Однако очевидно, что после подавления мятежа Лепида до 71 г. претендентов на верховную власть в Риме просто не было, а после консулата Помпея и Красса в 70 г. еще три года сохранялось равновесие, да и после отбытия Помпея на Восток до 62 г. ситуация изменилась мало – заговор Катилины шансов на успех не имел. В 60 г. обстановка действительно стала другой, однако вряд ли правильно не относить эти годы к Республике, как это делает Флауэр – Цезарь в 58 г. отбыл в Галлию, а Помпей и Красс вмешивались в политику не настолько регулярно и успешно, чтобы говорить о гибели республиканской системы. И уж просто повергает в изумление утверждение, что кто-то другой на месте Помпея в 52 г. восстановил бы республику. Налицо желание явить оригинальность во что бы то ни стало, ибо историки со времен Моммзена удивлялись, почему Помпей не установил режим единоличной власти. Между тем он сделал как раз то, чего не признает за ним Флауэр – укрепил республиканскую систему: беспорядки пошли на убыль, выборы проходили без насилий и откровенного подкупа⁹. Лишь перед самым началом гражданской войны консулы повели себя уже как узурпаторы, проигнорировав желание подавляющего большинства сенаторов добиться роспуска войск и Помпеем, и Цезарем.

«Республиканская система правления в Риме пришла в упадок, но сегодня у нас нет оснований писать об этом как о результате неких предначертаний неумолимого рока» (с. 17). Стоит, однако, напомнить, что речь об объективных обстоятельствах, а считать их роком или чем-либо еще – дело вкуса, но это уже не предмет научной дискуссии.

Каков же итог? По мнению Дж. Норта, в эпоху между царским временем и принципатом произошло только две крупных трансформации – в последние десятилетия IV в., а затем при Сулле, т.е. речь может идти о 3, а не 13 периодах¹⁰. Таким образом, есть все основания оставить в силе общепринятую

⁸ См. новейшую работу на эту тему: Коптев 2011, 52–84.

⁹ См., например: Gruen 1974, 155; Billows 2009, 185.

¹⁰ North 2010, 472.

хронологию (причем важность сулланского переворота не мешает по-прежнему датировать начало Поздней республики не 82, а 133 годом, ибо он был лишь частью общего процесса, начавшегося при Гракхах), и Флауэр убедительных доказательств обратного, по сути, не представила. Значит ли это, что ее книга – полная неудача? Конечно, считать ее *highly readable, highly persuasive volume*, как делает К. Бейли¹¹, вряд ли верно. Дж. Норт деликатно пишет, что представленное Флауэр «новое видение сменявших друг друга республик вызывает восхищение своей интеллектуальной смелостью, однако требует также и тщательной проверки»¹². И проверка эта зачастую приводит к результатам, не подтверждающим выводов автора, которые грешат умозрительностью и стремлением к новизне независимо от их обоснованности. Прежние труды Флауэр пользуются заслуженным уважением, но эта ее работа, увы, образцом научной добросовестности не является.

Литература

- Konтеv A.B.* 2007: О начальной дате римской республики // Исседон. Т. IV. Екатеринбург, 67–88.
Konтеv A.B. 2011: Царь Сервий Туллий в роли создателя Римской республики: мифология основания до Фабия Пиктора // *Studia historica*. Вып. XI. М., 52–84.
Bailey C. 2010: Rev.: *H.I. Flower. Roman Republics*. Princeton/Oxford, 2010 // *BMCR*. 2010.02.69.
Billows R.A. 2009: *Caesar: the Colossus of Rome*. L.–N. Y.
Gruen E.S. 1974: *The Last Generation of the Roman Republic*. Berkeley– Los Angeles.
Koptev A.V. 2010: *Timaeus of Tauromenium and Early Roman Chronology* // *Studies in Latin Literature and Roman History* / C. Deroux (ed.). Vol. XV. Bruxelles (Collection Latomus 323), 5–48.
Lovano M. 2002: *The Age of Cinna: Crucible of Late Republican Rome*. Stuttgart.
Meier Ch. 1965: *Populares* // *RE*. Splbd 10, 549–615.
Mommsen Th. 1887: *Römisches Staatsrecht*. Bd I. Leipzig.
North J.A. 2010: The End of the Republic? Rev.: *H.I. Flower. Roman Republics* // *JRA*. 23. 2, 469–472.
Seager R. 1994: *Sulla* // *CAH*. 2nd ed. Vol. IX, 165–207.

А.В. Короленков,
кандидат исторических наук,
научный редактор редакции журнала
«Новая и новейшая история»

¹¹ Bailey 2010.

¹² North 2010, 472.